

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 16.

1904 г.

августа 16-го.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Р ъ ч ь,

сказанная Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Никономъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ, въ Каѳедральномъ соборѣ 31 іюля, предъ молебствіемъ по случаю рожденія Е. И. В. Государя Наслѣдника, Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

Сегодняшій звонъ, братіе, собралъ насъ сюда по поводу радостнаго и великаго событія въ жизни нашего Царя и всего государства, по случаю рожденія у Государя Императора перваго Сына, Великаго Князя Алексія Николаевича, который, по основнымъ законамъ

Государства Россійскаго, долженъ быть признаваемъ Наслѣдникомъ престола.

Это событіе дѣйствительно радостное и великое.

Давидъ былъ самымъ угоднымъ Богу царемъ изъ всѣхъ царей, когда-либо царствовавшихъ надъ народами. И вотъ, когда Господь восхотѣлъ явить Давиду свое особое благоволеніе, особенную любовь, то Онъ явилъ ее обѣщаніемъ Давиду наследника въ лицѣ его сына, сказавъ: „когда исполнятся дни твои, и ты почишь съ отцами твоими, то Я возставлю послѣ тебя сѣмя твое, которое произойдетъ изъ чреслъ твоихъ, и упрочу царство его; Я утвержу престолъ царства его во вѣки. Я буду ему отцемъ, и онъ будетъ Мнѣ сыномъ; и если онъ согрѣшитъ, Я накажу его жезломъ мужей и ударами сыновъ человѣческихъ, но милости Моей не отниму отъ него, какъ Я отнялъ отъ Саула, котораго Я отвергъ предъ лицомъ Моимъ. И будетъ непоколебимъ домъ твой и царство твое во вѣки предъ лицомъ Моимъ, и престолъ твой устоитъ во вѣки“ (2 Цар. VII, 12—16). И мы съ вами, братіе, должны разсматривать дарованіе Господомъ Наслѣдника престола нашему Царю, какъ проявленіе особенной любви, особаго благоволенія Божія къ нашему Государю, и не только къ Государю, но и ко всему царству, ко всѣмъ намъ, потому что счастье и благополучіе Государя нераздѣльны со счастьемъ и благополучіемъ подданныхъ, потому что благоволеніе Божіе къ Царю простирается и на подвластный ему народъ.

Рожденіе Государя Наслѣдника есть залогъ и основа внутренняго мира государства, безъ котораго невозможны могущество и процвѣтаніе его. Насколько рожденіе Наслѣдника Цесаревича служитъ залогомъ и основой внутренняго мира государства, это показываетъ

намъ и наша отечественная исторія даже изъ недавняго прошлаго. Припомнимъ, какимъ смятеніемъ сопровождалось восшествіе на престоль, блаженной памяти, Государя Николая Павловича, несмотря на то, что Онъ былъ законнымъ Наслѣдникомъ и достойнѣйшимъ Государемъ. Смотрите, наоборотъ, какъ мирно и тихо вступилъ на престоль, тоже блаженной памяти, Государь Александръ Александровичъ, хотя вступленіе Его на престоль было при ужасныхъ обстоятельствахъ.

Рожденіе Государя Наслѣдника Цесаревича есть залогъ и основа цѣлости и неповрежденности нравственнаго облика русскаго царства, какъ государства христіанскаго, православнаго. Когда на царскомъ престолѣ бываетъ потомокъ царскаго рода, Богомъ избраннаго, то въ царствованіи своемъ Онъ видитъ волю Божію о себѣ и подвластномъ Ему народѣ, сознаетъ, что власть Его отъ Бога, и считаетъ себя слугою Божіимъ. Въ своемъ правленіи Онъ сообразуется съ волею Божіею, въ избраніи законовъ—съ заповѣдями Божіими. Народная жизнь получаетъ отпечатокъ и характеръ жизни народа Божія, народа христіанскаго, и уже самыми гражданскими законами народъ направляется къ нравственному совершенству и къ жизни вѣчной во Христѣ Іисусѣ. Когда же цари или другого рода правители поставляются волею народа, то они сознаютъ себя зависимыми отъ него, а не отъ Бога; стараются держаться во власти угодливостію людямъ, а не угожденіемъ Богу, свои законы сообразуютъ съ желаніями людей, а не съ заповѣдями Божіими. Желанія же людей, внушаемая имъ грѣховною природою, всегда враждебны Богу. Дѣйствительно, мы и видимъ въ наши дни, что тамъ, гдѣ правителей ставитъ народная воля, тамъ изъ государства изгоняется все Божіе, даже

распятіе и имя Христово, тамъ государство теряетъ христіанскій характеръ и умираетъ духовно, для жизни вѣчной.

Пусть не ослабляетъ нашу мысль, что рожденіе Наслѣдника Цесаревича есть особое благоволеніе Божіе къ нашему Государю и всему русскому царству, и не умаляетъ нашу радость то обстоятельство, что мы долго молили и ждали рожденія Цесаревича, Господь медлилъ исполнить наши молитвы, зная, какъ лѣнны мы на молитву, что, получивъ просимое, мы перестаемъ молиться. Онъ медлилъ исполнить наши молитвы, чтобы мы, получивъ Наслѣдника Престола, какъ даръ продолжительныхъ и усиленныхъ молитвъ, оцѣнили величіе этого благодѣянія Божія къ намъ и усерднѣе возблагодарили Бога за столь великую милость Его къ намъ. Онъ медлилъ исполнить наши молитвы, чтобы явить эту великую милость намъ въ трудную для насъ годину, чтобы показать, что войной съ азіатами Онъ наказываетъ насъ за грѣхи наши, жезломъ мужей и ударами сыновъ человѣческихъ, но милости Своей не отнялъ отъ насъ, чтобы утѣшить и ободрить насъ въ борьбѣ съ врагами. Онъ медлилъ исполнить молитвы наши, чтобы показать намъ послѣ ряда гнусныхъ убійствъ слугъ царевыхъ противниками государственнаго строя и самодержавной власти, что этотъ порядокъ угоденъ Ему, и Онъ утверждаетъ Его рожденіемъ Наслѣдника Цесаревича.

Итакъ, сознаемъ, братія, величіе и важность событія рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича и воспоемъ Господу благодарную пѣснь отъ радостнаго нашего сердца. Аминь.

Носителямъ свѣта Христова.

Какъ хорошо знакома всѣмъ намъ, читатель, такая картинка. Церковь переполнена молящимися. Божественная литургія кончается. Позади церкви стоитъ большая толпа мѣстной „интеллигенціи“. Кто-то спрашиваетъ: „Не знаете, сегодня не будетъ концерта?“ „Конечно, не будетъ“, слышится отвѣтъ... Завязывается какой-то споръ... Между тѣмъ на солею выносятся аналой; выходитъ батюшка съ тетрадкой и начинаетъ „читать“ очередную проповѣдь... Въ церкви поднимается невообразимый шумъ... И интеллигенты, и „мужики“, и взрослые, и дѣти, толкаясь и стараясь опередить другъ друга, спѣшатъ... выйти изъ церкви. Повидимому, служба уже кончилась, а эта проповѣдь... такъ себѣ, къ службѣ не относится... Церковь пустѣетъ, а проповѣдникъ все еще читаетъ и читаетъ свое слово...

Но почему же народъ не хочетъ слушать проповѣди? Одни находятъ бесполезнымъ *терять* время на слушаніе проповѣди, въ которой, выражаясь словами еп. Евдовима, „нѣтъ правды, настоящей подлинной правды“... Другіе и хотѣли бы послушать слово живо, но опытомъ убѣждены, что проповѣди наши „мертвы“, малоназидательны, „скучны“... Иные просто ничего не могутъ вынести для души изъ проповѣди... Прислушайтесь къ вычитываемой проповѣди, — и вы легко поймете причину такого кощунственнаго отношенія толпы къ важнѣйшей части богослуженія — проповѣди. На проповѣдь наше духовенство смотритъ, какъ на дѣло не большой важности, и если проповѣди вычитываются, то только потому, что этого требуютъ... А потому и вся задача сводится не къ тому, чтобы словомъ жизни зажечь искру въ сердцахъ жаждущей истины толпы, а лишь исполнить неприятную обязанность... Лишь бы только „отчитать“... А содержаніе, идея... это не важно... И вотъ мы слышимъ. Одинъ „ораторъ“ предпочитаетъ брать темы сухія, строго

догматическія, „анализируетъ“ и комментируетъ символъ вѣры, сообщая тайнамъ вѣры такую форму, что кажется, что говорить не добродушный о. Н., а патеръ десятого вѣка... Иной трактуетъ о нравственныхъ обязанностяхъ христіанина, но облачаетъ простую истину въ непроницаемый туманъ, набиваетъ „для убѣдительности“ массу текстовъ, и слушатели не только не могутъ уловить идею проповѣди, но не въ силахъ хоть что-нибудь вынести изъ всей рѣчи. И видишь, какъ иной „вещущій“ послушаетъ, послушаетъ проповѣдника, а потомъ, безнадежно махнувъ рукой и перекрестившись, выйдетъ изъ храма. Иной проповѣдникъ гоняется только за красивыми фразами, за дикціей, стараясь, чтобы слова „играли“; и въ проповѣди такой много блестящихъ словечекъ, но больше всего... пустоты... Иной... и большинство вашихъ витій просто вычитываютъ готовыя проповѣдки, которыхъ теперь много напечатано и печатается въ журналахъ. И все бы ничего, но бѣда въ томъ, что слушатели такихъ чтецовъ—проповѣдниковъ, если и остаются въ храмѣ, то большею частью спятъ, смотря на своего батюшку, который, „по печатному читая“, спитъ и самъ своей душой...

Какъ же быть? спроситъ читатель. Что же: подражать какому-нибудь „брату“ Ивану, „сектантамъ“, постниковшиѣ? *).

Но почему же, именно, сектантамъ? спросимъ мы читателя. Развѣ у насъ нѣтъ своихъ настоящихъ краснорѣчивыхъ въ первомъ смыслѣ этого слова ораторовъ—проповѣдниковъ и блестящихъ и по содержанію и формѣ образчиковъ духовнаго витійства?.. Это во-первыхъ. Да и возможно ли *подражаніе* въ проповѣдничествѣ? Можно ли произнести *живое и дѣйственное* слово, копируя какого-либо знаменитаго оратора? Гомилетика говоритъ, что можно, — и два года пита-

---

*) См. этюдъ о. Петрова: „Въ ночлежномъ домѣ“.

еть семинаристовъ и формой и духомъ проповѣдей вселенскихъ и отечественныхъ витій, а жизнь показываетъ, что „теорія гомилетики“ не даетъ священнику ничего...

Разверните любой духовный журналъ, и вы тамъ найдете непременно статью, посвященную вопросу о проповѣди. Вы прочтете тамъ множество совѣтовъ гомилетическихъ, встрѣтите нѣсколько общихъ и различныхъ до противоположности взглядовъ на одинъ и тотъ же вопросъ касательно проповѣди, найдете массу — частныхъ указаній, распоряженій и мелкихъ замѣтокъ о духовномъ краснорѣчии, познакомитесь съ рѣшеніемъ вопросовъ проповѣди на пастырскихъ собраніяхъ, на академической кафедрѣ и т. п. Все это показываетъ, что вопросъ о проповѣди — *злоба времени*, что современная проповѣдь, являющаяся, по выраженію еп. Евдокима, „пустымъ разглагольствованіемъ, въѣ пространства и времени“, не удовлетворительна, что проповѣдь — это очень важное средство пастырской миссіи... А между тѣмъ духовенство наше ничего не предпринимаетъ въ улучшенію дѣла проповѣди... Какъ же быть?...

„Учиться говорить надо, отцы, работать надъ своимъ языкомъ — твердить постоянно о. Люторскій, выведенный о. Петровымъ въ эскизѣ „День за днемъ“. Отцы слушали оратора и умилялись, а о. Люторскій примѣрами и доводами доказываетъ, что и содержательныя проповѣди, при отсутствіи выразительности въ чтеніи, безъ соотвѣтствующей мимики и декламации, не могутъ имѣть успѣха. „Прибавьте къ содержанію выразительную рѣчь, согласилось почти все собраніе пастырей, присоедините властную позу и выразительную мимику, и слово оживетъ, заискрится, заиграетъ“.

Только одинъ діаконъ Тихоцкій рѣшился возразить о. Люторскому и возразилъ сильно, основательно, расположивъ въ себѣ симпатію всего собранія.

„Съ церковной кафедры, началъ о. Тихоцкій, нужна не „игра“, а проповѣдь, не „красивое“, а властное, сильное слово“. Указавъ, затѣмъ, на то, что у пастырей одинъ учебникъ краснорѣчія—это Евангеліе, въ которомъ нѣтъ никакого витійства и красивыхъ словъ, что Христосъ, посылая учениковъ на проповѣдь, не велѣлъ имъ заботиться о томъ, *какъ* или что сказать, о. діаконъ основательно оцвергнулъ всю теорію о. Люторскаго „Проповѣднику, говорилъ между прочимъ діаконъ, надо заpastись богатствомъ Духа Божія, а не богатствомъ словъ, интонацій и красивыхъ жестовъ. Горе наше въ томъ, что намъ нечего выражать, а не въ томъ, что мы не умѣемъ выражать. Пастырь-проповѣдникъ—не актеръ, и его слово—не игра. Его слово—огонь и свѣтъ, а для этого надо, чтобы у него самого, прежде всего, сердце горѣло любовью къ Богу и къ людямъ, къ Божьей правдѣ и къ его немощной паствѣ... Чего нѣтъ въ себѣ, того нельзя дать другимъ... Мертвыя слова и останутся мертвыми и не оживятъ, не воскресятъ мертвыхъ сердець слушателей. Живой человекъ своимъ дыханіемъ, теплотой своего тѣла можетъ согрѣть окоченѣвшаго; а мертвый трупъ никогда и никого не согрѣетъ...

Намъ, пастырямъ, говорилъ о. Тихоцкій въ заключеніе своей вдохновленной и пространной рѣчи, намъ проповѣдникамъ нужна, прежде всего, обработка собственной души, а не обработка ораторскаго языка. Нѣтъ проще языка, какъ евангельскій, а какая проповѣдь сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ Евангеліе?!.. Слушатели отъ проповѣдника нуждаются въ болѣе и болѣе проникновенномъ разумѣніи правды Божіей, въ огнѣ души, а не въ красивыхъ словахъ и плавныхъ жестахъ. Думаю, что проповѣдь апостоловъ была сильна не декламацией и не ораторскимъ вообще витійствомъ и словоплетеніемъ а чѣмъ-нибудь инымъ, и это „иное“, духъ Отца въ сердцахъ ихъ, и есть единое проповѣдникамъ на потребу. Остальное—лакировка, позолота... Забота наша должна быть не о ласка-

ніа слуха и не о чесаніи „ушесъ“ красивыми звуками, а о дѣйствиі на сердца слушателей живою и сильною рѣчью, идущею отъ живого и сильнаго духомъ сердца. Сердцу можно говорить только сердцемъ, а никакъ не „языкомъ“, каковъ бы онъ ни былъ“.

Что можно прибавить къ этимъ правдивымъ словамъ, излившимся изъ чуткой и вылающей огнемъ любви къ святому дѣлу художественной души о. Тихоцкаго?! Конечно, вся сила проповѣди въ личности самого проповѣдника, въ силѣ его вдохновенія, внутренняго огня и чувства... А слово — это уже вѣчто второстепенное и самоприходящее: „отъ избытка сердца глаголють уста“. Какъ истинная вѣра всегда сама является съ дѣлами, такъ в жарѣ души проповѣдника всегда *сама собой* облекается въ соотвѣтствующую форму... А теорія „игры“ словъ и „девламаціи“ не дастъ проповѣднику огня сердца...

И какъ легко иногда рождается этотъ огонь, это вдохновеніе, это — „накатилъ“... Случайно вамъ пришлось какъ-то зайти въ одну бѣдную церковь въ постъ. Молодой батюшка обратился къ толпѣ съ горячимъ словомъ. Говорилъ онъ самымъ обыкновеннымъ образомъ, повидимому. Но чувствовалось что-то необыкновенное... Слышались не слова, а вопли души...

Проповѣдникъ плакалъ... а съ нимъ плакала и вся церковь... Сердца толпы слились съ сердцемъ батюшки и пылали, какъ единая чистая жертва...

Итакъ, причина неуспѣха проповѣди одна — недостатокъ идеальныхъ пастырей-проповѣдниковъ... Пастырь долженъ смотрѣть на проповѣдь не какъ только на служебную обязанность, а какъ на потребность сердца; долженъ проповѣдывать не тогда, когда отъ него потребуютъ, когда придетъ очередь, а всегда, во всякое время, лишь бы только его слово было воплемъ души, а не однимъ красивымъ звукомъ. Проповѣдь

должна входить въ каждое богослуженіе, какъ главная и важнѣйшая часть его: она должна быть, по апостолу, *священнодѣйствіемъ* (Рим. XV, 16). А это будетъ лишь тогда, когда пастырь будетъ вѣщать глаголы жизни не умолкая..., и благовременно и безвременно...предваряя свое слово внутренней молитвой къ Богу, дабы Онъ отверзъ умъ и уста проповѣдующаго и „привлечь“ вниманіе слушающихъ...

Такимъ образомъ, необходимая для каждаго пастыря-миссіонера вѣра въ обитающаго въ сердцѣ каждаго падшаго Бога и несокрушимая убѣжденность въ постоянномъ, всепобѣждающемъ дѣйствіи благодати Божіей должна находить себѣ выраженіе въ проповѣди, имѣющей своей цѣлью пробудить спящихъ духовно, найти въ человѣкѣ Бога, вызвать въ грѣшникѣ исканіе истины и добра и указать ему путь къ Господу. Посему умѣнье проповѣдывать—это столь же необходимое условіе всякой миссіи, какъ и вѣра въ свое дѣло и въ чело-вѣка. Миссія пастыря прежде всего проявляется въ проповѣди. И ни одно слово, исполненное Духа Господня, ни одно движеніе сердца, ни одинъ вздохъ души носителя Христова духа не пройдутъ для жизни безслѣдно, не останутся безъ вліявія на другихъ.

Жаль, страшно жаль, что въ наше время пастырь мало пользуется проповѣдью, этимъ могучимъ орудіемъ миссіи... Жаль, что среди духовенства нашего мало хорошихъ проповѣдниковъ... Но всего хуже то, что нашему пастырю, прошедшему курсъ богословія, приходится часто видѣть превосходство надъ собой какого-нибудь темнаго „брата Ивана“, который силою своего грубаго, но вдохновеннаго слова, огнемъ своей пылающей души покоряетъ и жжетъ сердца многочисленной толпы, которая, какъ одинъ человѣкъ, внимаетъ своему „пастырю“...

(„Полоц. Епарх. Вѣд.“ № 12).

Церковное пѣніе, какъ предметъ начальнаго школьнаго обученія.

(Изъ рѣчи, произнесенной 1 іюля 1904 года въ г. Вяткѣ, передъ закрытіемъ регентскихъ курсовъ пѣнія).

Пѣніе учениковъ начальной школы подъ руководствомъ опытнаго учителя или учительницы представляетъ собою такую отрасль, такой предметъ элементарнаго обученія, который дѣйствуетъ воспитательно не только на дѣтей, но и на ихъ родителей и на все окружающее мѣстное населеніе, который привлекаетъ къ школѣ общее расположеніе прихожанъ и усиливаетъ нравственное тяготѣніе народа къ храму Божію и совершаемому въ немъ богослуженію. Такое широкое воздѣйствіе пѣнія на сердца и умы людей и въ сознаніи учащихъ лицъ, и во мнѣніи cadaго человѣка, неліце-мѣрно любящаго свою родину, должно имѣть, безъ сомнѣнія, очень высокую цѣну. Ибо что такое наше церковное богослуженіе, какъ не живое и образное воспроизведеніе того великаго, всемірно-историческаго подвига, который совершенъ и совершается небесной любовію для блага земли, такъ часто обуреваемой всякими нестроеніями и бѣдствіями, горестями и страданіями? -- Далѣе, что такое наше церковное пѣніе, какъ не торжественная хвала Тому, Кто есть Создатель міра, по вдохновенному выраженію великаго апостола языковъ, *единный сильный, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единный безсмертный, живущій въ неприступномъ свѣтѣ, Котораго никто изъ людей не видѣлъ и видѣть не можетъ?* — Что такое наше церковное пѣніе, какъ не выраженіе восторга и умиленія, выходящихъ изъ сердець, всегда благодарныхъ Богу за Его великія милости къ человѣку? — Наконецъ, что та-

кое наше церковное пѣніе, какъ не слезная, плачущая мольба озабоченной и скорбной души, постоянно нуждающейся въ утѣшеніи и помощи?...

Вотъ глухая, далекая, заброшенная деревня, населенная простыми, смиренными, но духовно-темными и потому бѣдными русскими людьми. Въ этой деревнѣ, съ годъ тому назадъ, открыта начальная школа. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней ученики ея, руководимые учителемъ, заняли въ приходскомъ храмѣ мѣста пѣвцовъ. И вотъ съ клироса взлетѣли и понеслись къ небу чистые, свѣтлые, серебристо-звонкіе голоса дѣтей, совершающихъ хвалу Творцу вселенной. Подумайте, съ какою радостью, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ и умиленіемъ будутъ слушать темные люди стройное пѣніе своихъ дѣтей, какъ пріятно потомъ будетъ имъ посѣщать службы церковныя, какъ полюбятъ они свою деревенскую школу, какъ миль и дорогъ будетъ имъ учитель!.. А вотъ большое русское село. Здѣсь давно уже существуетъ школа; здѣсь воздухъ и стѣны храма ужъ много лѣтъ оглашаются согласнымъ пѣніемъ школьнаго хора. На клиросѣ смѣнилось уже нѣсколько поколѣній пѣвцовъ. Но всѣ они усердно посѣщаютъ храмъ Божій, принимаютъ участіе въ службахъ церковныхъ если не пѣніемъ, то чтеніемъ; всѣ они хорошо умѣютъ читать и пѣть и ужъ, конечно, никогда не забудутъ родной, русской грамоты. Изъ ихъ памяти, можетъ быть, улетучились уже нѣкоторыя свѣдѣнія, напр. по ариѳметикѣ, исторіи и географіи, но не забудутъ они небесныхъ глаголовъ и благодатнаго ихъ вѣянія, ихъ чудной силы и святой прелести, не забудутъ, слушая и читая церковныя молитвы или участвуя въ хорѣ церковномъ, а въ этомъ памятованіи и сообразной съ нимъ жизни заключается безцѣнное сокровище, *единое на потребу*...

Хорошо, очень хорошо обставлены многія начальныя школы въ Вятской губерніи: онѣ помѣщаются въ большихъ

двухъэтажныхъ, просторныхъ и свѣтлыхъ зданіяхъ; въ достаточной мѣрѣ снабжены онѣ учебными книгами, пособіями и принадлежностями; во многихъ школахъ обученіемъ руководить не одно а два и даже три учащихъ лица. О какъ бы хотѣлось, чтобы во всѣхъ школахъ также хорошо поставлено было и учебно-воспитательное дѣло! Какъ бы хотѣлось, чтобы сердечнымъ вразумленіемъ дѣтей въ истинахъ вѣры и правилахъ добраго поведенія, осмысленнымъ преподаваніемъ церковно-славянскаго языка, заботливымъ и терпѣливымъ обученіемъ церковному пѣнію и общимъ строемъ разумнаго нравственнаго воспитанія всѣ школы безостановочно, съ успѣхомъ, для каждаго очевиднымъ, вели дѣтей ко Христу, какъ не заходящемъ солнцу правды и милости, какъ необъятому свѣту разума и мудрости!...

Не обучая дѣтей церковному пѣнію, начальная школа теряетъ многое изъ того, что воспитываетъ ихъ благотворно, что прививаетъ имъ добрые навыки и что укрѣпляетъ сознательную любовь ихъ къ храму и богослуженію. Недостатокъ такого, со стороны школы, вліянія имѣетъ особенное значеніе въ наши тяжелые дни, въ наше мятущееся время, когда безпечность и равнодушіе къ вопросамъ вѣры, когда сомнѣніе и даже маловѣріе не только проникаютъ въ душу людей, чему-нибудь учившихся, окружая ихъ безпросвѣтнымъ мракомъ самомнѣнія и гордости и поработая всякой неправдѣ, но кое-гдѣ начинаютъ, повидимому, колебать и доселѣ спокойное вѣросознаніе и настроеніе нашего простого, набожнаго и царелюбиваго народа. При такомъ положеніи вещей всѣ благомыслящіе люди страны, особенно же учащіе въ начальныхъ школахъ лица должны принимать, по степени своихъ силъ, всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы сберечь въ душѣ народной тѣ драгоцѣнныя сокровища христіанской любви, вѣры и надежды, которыя даетъ наша религія, сообщаетъ наша церковь и которыя

приобрѣтаются постояннымъ и дѣятельнымъ участіемъ всѣхъ членовъ этой церкви, малыхъ и взрослыхъ, въ ея жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что начальныя учителя и учительницы, при любви, доброй волѣ и неслабѣющемъ усердіи къ дѣлу, могутъ достигать этихъ цѣлей, разумѣется, въ большей или меньшей степени. И тогда пусть исполняется ихъ сердце радости, которую отнять у нихъ никто не въ состояніи; тогда пусть утѣшаются они сознаніемъ добраго, святаго дѣла, совершаемаго для вѣчнаго блага, для неизмѣннаго счастья народнаго!..

А. Анастасіевъ.

Замѣтка о церковныхъ архивахъ.

Состояніе церковныхъ архивовъ нерѣдко оставляетъ желать много лучшаго.

Книги архива нерѣдко отдаются въ переплетъ не раньше того, такъ придутъ въ совершенную ветхость, такъ что является сомнѣніе въ возможности ихъ употребленія. Къ тому же часто и мыши портятъ густо намазанный мучнымъ клейстеромъ холстъ, которымъ принято, по преимуществу, овлаживать метрическія и другія книги.

Бумаги, указы Духовной Консисторіи и проч. часто бываютъ не сброшюрованы, не сшиты, и сложены безъ всякаго разбора и классификаціи, такъ что рядомъ съ контрактомъ по постройкѣ храма лежитъ отношеніе пристава о преданіи землѣ трупа.

За симъ, бросается въ глаза неудовлетворительное устройство архивныхъ шкафовъ. Иногда шкафы настолько глубоки, что книги въ нихъ стоятъ въ два и даже три ряда, что, естественно, затрудняетъ пользованіе книгами и

препятствуетъ поддержанію архива въ порядкѣ. Нѣтъ и опредѣленнаго мѣста для извѣстнаго рода книгъ и документовъ, такъ-что, бываетъ,—метрики чередуются съ богослужбными журналами, или старыми кружечными книгами и въ комбинаціяхъ тому подобныхъ.

Между тѣмъ содержаніе архива въ порядкѣ вовсе не такъ затруднительно, чтобы держать его въ такомъ безпорядкѣ. Разумѣется, не вездѣ состояніе архивовъ таково: часто они содержатся исправно, нерѣдко — въ образцовомъ порядкѣ. Цѣль настоящей замѣтки: облегчить молодымъ, начинающимъ свою дѣятельность членамъ причтовъ ихъ трудъ по содержанію, или приведенію запущеннаго архива въ порядокъ.

Помѣщеніе по возможности должно быть сухое, чтобы книги и документы не портились и — свѣтлое, — для удобства занятій въ ономъ.

Если позволяетъ вмѣстимость храма, то шкафъ не долженъ быть глубокимъ; онъ долженъ имѣть такую глубину, чтобы въ немъ помѣщалась „стоя“ одна книга; другими словами — книги на полкѣ стояли-бы въ одинъ рядъ. Шкафъ долженъ быть, по возможности, настолько высокъ, чтобы можно было, стоя на полу, рукою достать книгу съ верхней полки. Лучше поэтому имѣть, если дозволяютъ обстоятельства, нѣсколько невысокихъ и неглубокихъ шкафовъ, чѣмъ одинъ — громадный.

Разумѣется, нужно слѣдить, чтобы мыши не прогрызли шкафа и время отъ времени сметать пыль. Неприятно и чрезвычайно вредно для здоровья имѣть дѣло съ архивомъ, въ которомъ пыль копилась десятилѣтіями.

Небезполезно — умѣло расположить полки въ шкафу, что бы не оставалось много пустыхъ промежутковъ между

полками, притомъ давъ мѣсто по размѣру подходящее къ каждому подраздѣленію *)

Можно сдѣлать полки примѣнительно къ слѣдующей классификаціи архива **).

- 1) Рукописи, синодики древніе и т. д.
- 2) Грамоты, древніе акты.
- 3) Хозяйственные документы: планы и т. под. (хорошо — въ ящикѣ съ замкомъ).
- 4) Древнія книги.
- 5) Церковныя вѣдомости.
- 6) Епархіальныя вѣдомости.
- 7) Циркулярные указы дух. консисторіи.
- 8) Метрическія книги.
- 9) Дух. исп. росписи.
- 10) Обыски и предбрачные документы ***).
- 11) Прих.-расх. книги.
- 12) Блировыя вѣдомости и бумаги къ нимъ относящіяся.
- 13) Богослужебные журналы.
- 14) Журналы вход. и исх. бумагъ (раздѣлить доской, или проложить толстымъ картономъ).
- 15) Дѣла.
- 16) Входящія бумаги.
- 17) Бланковые листы и т. д.

Разумѣется, намѣченный родъ классификаціи не включаетъ другихъ, лучшихъ. Слѣдуетъ также сдѣлать на краяхъ полокъ надписи — ярлыки.

Теперь — нѣсколько словъ о документахъ и бумагахъ, поступающихъ за годъ и имѣющихъ быть сданными въ ар-

---

*) Въ шкафу старомъ, неудобномъ, можно дешево передѣлать полки, употребивъ доски отъ лавочныхъ ящиковъ.

**.) Примѣнительно къ описи, приложенной къ № 2 Еп. Еѣд. за 1904 г.

***.) Послѣдніе въ папѣ, или въ ящикѣ, устроенномъ рядомъ на той-же полкѣ.

живъ слѣдуетъ поступать, напр., такимъ образомъ: изъ всѣхъ входящихъ бумагъ выдѣлить относящіяся къ какому-либо болѣе или менѣе важному дѣлу, напр., постройкѣ храма, его ремонту, обмежеванію земли и т. под., вложить ихъ въ обложку съ подходящею надписью; новыя по тому же дѣлу бумаги подшивать къ прежнимъ, прилагать къ нимъ и такъ наз. „отпуски“, или черновики бумагъ исходящихъ, и постепенно вписывать краткое ихъ оглавленіе въ перечисленіе бумагъ на оборотѣ обертки.

Слѣдуетъ сброшюровывать по годамъ и циркулярные указы дух. консисторіи, сдѣлавъ обложку и надпись и краткій перечень содержанія, а еще лучше сдѣлать нѣкотораго рода указатель ихъ, разгруппировавъ по отдѣламъ: миссіонерскій, церковная практика и т. под., по усмотрѣнію, оставивъ въ указателѣ пробѣльные листы послѣ cadaго отдѣла для ежегоднаго пополненія.

Выдѣливъ бумаги, составляющія собою особья „дѣла“, или особый родъ документовъ (напр., предбрачныя), остальные аккуратно подшивать, сдѣлавъ обложку общаго наименованія „входящія бумаги за N годъ“.

Свящ. *І. Мултановскій.*

Нравственно-обновляющее значеніе войны съ японцами для нашей жизни.

Теперь всѣ русскіе люди чувствуютъ себя подъ тяжестью всей серіозности и многорѣшающей важности трудныхъ обстоятельствъ нашей государственной жизни, порожденныхъ кровопролитною борьбою съ напавшимъ на насъ ввѣшнымъ врагомъ. Теперь, если позволительно такъ выразиться, жизненный пульсъ нашего государственнаго организма сильнѣе всего

бьется на самой отдаленной окраинѣ; весь центръ тяжести нашей народной жизни какъ бы перемѣстился на Дальній Востокъ, гдѣ судьбы пограничныхъ краевъ нашего государства рѣшаются жестокими битвами со врагомъ при посредствѣ невообразимо-разрушительныхъ и истребительныхъ орудій съ обѣихъ сторонъ; теперь всѣми нашими думами и чувствами, опасеніями и надеждами, лучшими благожеланіями и пламенными молитвами мы соединены въ одно неразрывное цѣлое съ нашими доблестными войсками, напрягающими свои силы въ тяжкихъ и самоотверженныхъ подвигахъ защиты государственной цѣлости и международного политическаго достоинства нашего отечества предъ поднявшимъ на него свою руку, издавна замыслившимъ противъ насъ войну, врагомъ. Всѣ измѣнчивыя состоянія этой человѣкоубійственной борьбы, всѣ извѣстія о дорогихъ жертвахъ, приносимыхъ съ нашей стороны на эту войну сотнями и тысячами нашихъ героевъ—воиновъ, отзываются въ нашихъ сердцахъ столь же острою болью, какъ если бы намъ самимъ приходилось испытать на себѣ дѣйствіе вражескихъ пуль.

Но что же? Ужели одной грустью должна наполняться наша душа въ эти трудныя минуты нашей народной жизни? Нѣтъ: кромѣ сердца въ насъ есть еще другая духовная сила—разумъ, и именно озаряющими лучами разума мы должны попытаться освѣтить предъ собой наше настоящее положеніе, дать себѣ отчетъ *въ смыслъ и значеніи* для нашей жизни вынужденно предпринятой нами войны съ японцами. Несомнѣнно, что эта невольная для насъ война есть дѣло опредѣленія Божія—съ цѣлю пробужденія въ насъ отъ дремоты высшихъ общественныхъ чувствъ, уврачеванія въ насъ съ избыткомъ накопившихся нравственныхъ недуговъ въ нашемъ народномъ организмѣ и обращенія насъ на путь, ведущій къ возвышенію нашего общественнаго благосостоянія. Это есть то любвеобильное, вразумляющее наказаніе Божіе, которое, по слову Божію, приноситъ человѣку не зло, а благо, исправляя

его отъ заблужденій, возвышая его отъ паденій: *блаженъ чело-
вѣкъ, котораго вразумляетъ Богъ, и потому наказанія Все-
держителя не отвергай; ибо Онъ причиняетъ раны Самъ
обвязываетъ ихъ; Онъ поражаетъ и Его же руки врачуютъ*
(Иов. V, 17, 18).

Какъ ни тяжело переживаемое нами наше государствен-
ное состояніе, однако, оно вызываетъ на свѣтъ въ нашемъ
народномъ сознаніи такія явленія, которыя не могутъ не быть
признаны весьма цѣнными для развитія нашего общественнаго
благосостоянія.

Война съ непріателемъ, прежде всего, открываетъ *свѣт-
лую сторону* въ нашемъ современномъ общественномъ на-
строеніи и именно ту, что она породила собой необычайный
подъемъ нашего народнаго патріотизма. При видѣ опасности,
угрожающей намъ внѣшнимъ врагомъ, какъ бы по мановенію
волшебнаго жезла, съ безпримѣрною жизненною энергіей воз-
будилось въ насъ чувство любви къ своему отечеству: мы
сразу почувствовали себя братьями одной народной семьи,
неразрывно связанными общею жизнію, цѣлостью и благополу-
чіе которой зависитъ отъ нашего тѣснѣйшаго объединенія въ
одно сердце, въ одну душу. Продолжительное спокойствіе
нашей народной жизни, предшествовавшее войнѣ, нужно со-
знаться, было причиной нѣкотораго ослабленія этого чувства,
какъ бы погруженія его въ дремоту. По временамъ мы готовы
были даже забыть наше національное родство между собой,
нашу народную самобытность и особое историческое предва-
значеніе въ средѣ другихъ народовъ міра, увлекаясь духомъ
и стремленіями другихъ народовъ, являя себя людьми безъ
опредѣленнаго народнаго призванія, выставляя себя предъ дру-
гими народами, какъ будто, лишенными собственной духовной
физіономіи, съ наклонностями къ космополитизму, къ раство-
ренію и исчезновенію среди другихъ народностей. И вотъ
такое-то ненормальное, можно сказать, противоестественное
направленіе нашихъ духовныхъ влеченій, по крайней мѣрѣ, въ

нѣкоторыхъ слояхъ нашего народа, считающихъ себя „лучшими“, этотъ болѣзненный налетъ, облежавшій нашу народную душу, съ открытіемъ войны съ японцами, какъ бы дѣйствіемъ оперативнаго ножа, сразу снимается съ нея и обнаруживается въ глубинѣ ея сохранившимся во всей цѣлости и полнотѣ жизни ея здоровое, естественное чувство—*любовь къ отечеству*, къ своей странѣ, ко всему родному, къ тому, что составляетъ существенное и коренное отличіе нашего народа отъ другихъ народовъ и чѣмъ владѣетъ наше государство, какъ законнымъ своимъ достояніемъ. Теперь забыты всѣ наши домашніе споры и раздоры изъ-за вопросовъ внутренней политики, сгладились раздѣленія на партіи и кружки, умолкли укориженные клочки „либераловъ“ и „консерваторовъ“, даже нѣкоторымъ образомъ ступшевались разграниченія на классы и слои по общественному положенію или состоянію; такъ какъ всѣ сомкнулись между собой въ одно кровно-родственное цѣлое, въ одинъ полножизненный государственный организмъ, одухотворенный одной цѣлю, одной заботой—о самосохраненіи посредствомъ взаимной помощи, путемъ братской поддержки другъ друга предъ нападеніемъ на насъ внѣшняго врага.

И какія отрадныя картины народнаго энтузіазма, какія возвышенныя обнаруженія благодарнаго чувства любви къ отечеству ежедневно проходятъ теперь предъ нашими глазами! Неизсякаемымъ потокомъ льются разнаго рода — и вещами и деньгами—пожертвованія отъ богатыхъ и бѣдныхъ, отъ сословій и обществъ, отъ служащихъ разныхъ вѣдомствъ, отъ тружениковъ на фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ и на сельскихъ поляхъ. Тѣ, кто цѣлыми годами, быть можетъ, подвліяніемъ не безкорыстнаго чувства трудились надъ скопленіемъ себѣ имуществва, теперь, охваченные высокими порывами патриотизма, соревнують другъ съ другомъ въ щедрыхъ жертвахъ на благо отечества. А не многіе ли изъ нашихъ соотечественниковъ оставили свои обычныя занятія и труды,

разстались съ своими семьями и добровольно съ героизмомъ самоотверженія отправились въ дальній и опасный край съ готовностію къ перевесенію всякихъ трудностей жизни, съ рѣшимостію даже на жертву *личною* жизни ради возможной помощи нашимъ доблестнымъ войскамъ? Всѣ эти—братья и сестры милосердія, врачи и фельдшера, собиратели, отправители и распредѣлители на самыхъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій народныхъ привошеній на нужды воиновъ и, наконецъ, сами наши воины, отъ солдата до генерала и адмирала, съ безграничною преданностію родной странѣ несущіе, а многіе изъ нихъ уже принесшіе, свою жизнь на алтарь отечества, — не представители ли только въ наиболѣе яркомъ свѣтѣ патриотическаго племени, охватившаго всю Россію изъ конца въ конецъ? И, безъ всякаго сомнѣнія, этотъ огонь любви къ отечеству, возгорѣвшійся въ сердцахъ русскихъ, и не только русскихъ, но и вообще всѣхъ подданныхъ нашего государства, сослужить свою великую спасительную службу въ борьбѣ нашей съ внѣшними врагами и надолго сохранить свою плодотворную силу въ нашей послѣдующей народной и государственной жизни!..

Но если со времени возникновенія у насъ войны съ японцами свѣтлою стороною нашей жизни является необычайно сильное проявленіе патриотическаго чувства, то, съ другой стороны, эта же война, побуждая насъ къ самоиспытанію, даетъ видѣть въ предшествующей войнѣ нашей народной жизни много *темныхъ и прискорбныхъ сторонъ*, какъ можно думать, послужившихъ, въ ряду другихъ, немаловажными причинами нападенія на насъ внѣшнихъ враговъ. Какими бы собственными, эгоистическими пробужденіями не руководились наши враги при объявленіи намъ войны, но несомнѣнно, что многія и существенныя условія, объясняющія нападеніе на насъ внѣшняго врага, скрывались и въ насъ самихъ, въ нравственномъ состояніи нашей общественной жизни. Мы воюемъ не-

вызывая никого, а будучи вызваны другими, на войну. Мы не напааемъ, а защищаемся, отражаемъ нападеніе. И врагъ нашъ, повидимому, слишкомъ ничтоженъ сравнительно съ нами своими народными силами, чтобы могъ надѣяться на побѣду надъ нами. И, однако, дерзко выступивъ на борьбу съ нами, отъ первыхъ своихъ воинскихъ успѣховъ онъ гордо поднимаетъ предъ нами и предъ всѣмъ міромъ свою голову. Здѣсь, прежде всего, эту человѣкоубійственную брань со врагомъ взоръ вѣрующаго старается выяснить себѣ при свѣтѣ именно вѣры. И вѣра говоритъ ему, что Провидѣніе, все опредѣляющее и всѣмъ управляющее, какъ въ природѣ, такъ и исторіи человѣчества, допустило эту ужасную, кровопролитную войну въ непремѣнномъ соотвѣтствіи, какъ бы *въ отвѣтъ* нашему народному нравственному состоянію, — въ цѣляхъ нашего разумленія и исправленія, ради нашего возвращенія съ путей заблужденія на пути правды и добра.

Предъ очами вѣры надъ всѣми другими законами дѣйствующими въ исторической жизни народовъ, всегда является господствующимъ нравственный законъ, нравственное міропроявленіе. Замѣчательно, что даже явленія природы, поражающія насъ своею исключительностію, какъ-то: землетрясенія, наводненія, голодъ, эпидеміи и т. п., по свидѣтельству исторіи, нерѣдко находятся въ гармоническомъ соотношеніи съ нравственнымъ состояніемъ народовъ, подпавшихъ страданіямъ отъ этихъ явленій, выступаютъ по отношенію къ людямъ, какъ кара Божія за испорченность ихъ нравовъ. Въ самой исторіи человѣчества взаимныя отношенія народовъ, мирныя или враждебныя, еще болѣе обусловливаются, по дѣйствию всеправящей руки Божіей, достоинствомъ или недостатками ихъ нравственной жизни. Съ поразительною ясностію эта истина промыслительнаго мздовоздаянія народамъ, соотвѣтственно ихъ жизни, подтверждается исторіей народа израильскаго. Благочестіе его награждается миромъ съ другими наро-

дами, внутреннимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ; упадокъ его общественной нравственности всегда сопровождается нападениемъ враговъ на Израиля. Законъ возмездія, какъ основная сила, опредѣляющая судьбы народовъ на исторической аренѣ, — это, можно сказать, центральная идея, главная тема, раскрывающаяся въ рѣчахъ всѣхъ израильскихъ пророковъ, прозрѣвавшихъ за видимыми и второстепенными причинами невидимыя и важнѣйшія, заправляющія историческими судьбами народовъ. И Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ своихъ пророчествахъ о послѣдней судьбѣ Своего отечества и его безвозвратной гибели связываетъ такой безнадежный конецъ исторіи Своего народа съ его невѣріемъ и ожесточеніемъ сердца, съ его нравственной несправимостію...

Вообще справедливо сказать: внѣшнія обстоятельства въ жизни народовъ обыкновенно являются *отраженіемъ* его внутренняго, духовно-нравственнаго состоянія. Какъ отдѣльными лицамъ, такъ и цѣлымъ народамъ рука Божія опредѣляетъ достойное по ихъ дѣламъ, по ихъ жизни. Изъ всего сказаннаго естественно вытекаетъ заключеніе, что и объявленіе намъ войны со стороны японцевъ произошло не безъ воли Провидѣнія. Несомнѣнно, что въ этой войнѣ мы имѣемъ предъ собой промыслительное предостереженіе, *перстъ Божій*, указывающій намъ наши духовныя болѣзни и призывающій насъ къ общезародному покаянію въ нашихъ заблужденіяхъ и возвращенію нашей жизни на путь правды и добра въ духѣ Христовомъ, нашего Спасителя и Бога.

Въ самомъ дѣлѣ, если только немного ближе всмотримся мы въ нѣкоторыя стороны нашей духовной жизни, то не можемъ не увидѣть, какія серьезныя пробужденія овѣ представляютъ намъ къ глубокому покаянію предъ Богомъ въ нашихъ прегрѣшеніяхъ. Вотъ предъ нами, прежде всего, ваша *религіозная* жизнь! Что мы находимъ въ ней? Какая масса отпадшихъ отъ изначально-православной Церкви нашего народа

и блуждающихъ въ дебряхъ раскола и сектантства! Какой индефферентизмъ въ подавляющемъ большинствѣ образованныхъ лицъ, офіціально числящихся членами православной Церкви! Религіозный союзъ съ низшими злыми нашего народа въ смыслѣ церковномъ для многихъ и многихъ представителей нашей интеллигенціи сталъ только номинальнымъ, пустымъ звукомъ. Нѣкоторые прямо держатся убѣжденія въ невозможности глубины и искренности вѣры для пребывающихъ въ нѣдрахъ православной Церкви и потому отпаденіе отъ Церкви и переходъ въ какую-либо секту или раскольнической толкѣ считаютъ признакомъ пробужденія въ человѣкѣ вѣры, обновленія въ немъ религіознаго чувства, какъ, наоборотъ, продолжающуюся принадлежность Церкви признаютъ свидѣтельствомъ въ человѣкѣ или полного безразличія по отношенію къ вопросамъ вѣры или умственного невѣжества, духовной заботы или дѣломъ своекорыстныхъ и честолюбивыхъ расчетовъ. Послѣ этого нисколько уже неудивительны полное отсутствіе въ храмахъ въ праздничные и воскресные дни, такъ называемыхъ, культурныхъ представителей нашего общества и обычное устройство ими именно въ богослужебные часы праздниковъ разнаго рода дѣловыхъ и ученыхъ собраній или же просто общественныхъ зрѣлищъ, развлеченій и удовольствій... Такова наша религіозность въ такъ называемыхъ „лучшихъ“ классахъ нашего народа.—За упадкомъ вѣры само собой слѣдуетъ и разложеніе *общественной нравственности*. Безъ религіи незыблемые устои нравственной жизни исчезаютъ: нравственность безъ религіозной основы, это—цвѣтокъ, срѣзанный съ своего корня. И такими-то безжизненными, беспочвенными, являются уже самыя *воззрѣнія* нашего времени на нравственность, на значеніе ея основныхъ требованій. Безрелигіозная мораль смѣло отрицаетъ какія-либо общія и природенныя всему человѣку начала нравственности и объявляетъ единственно-руководящими правилами нашей жизни тре-

бованія практическаго разума, расчетливости или полезности. *Утилитаризм*—таковъ браеугольный камень, на которомъ должна соиздаться, по мнѣнію современныхъ моралистовъ, вся система правоученія, опредѣляющая наши взаимныя отношенія. Съ постоянными измѣненіями условій нашей жизни, общественной и личной, очевидно, должны измѣняться и воззрѣнія на полезное, сообразно общимъ-ли требованіямъ времени, или личнымъ интересамъ каждаго изъ насъ. Поэтому понятія о добрѣ и злѣ, чести и правдѣ, благородномъ и низкомъ для безрелигіозной нравственности имѣютъ только условное значеніе, преходящи, вѣчно-измѣнчивы, находясь въ зависимости отъ воли и пониманія каждаго: хорошо, честно—то, что *мнѣ* кажется такимъ. Общеобязательныя предписанія правоученія,—это пережитки старины, нравственные предрасудки, которые могутъ держать въ своей власти только малосмыслящихъ и слабодушныхъ людей. Напротивъ каждый, сознающій свое личное достоинство и чувствующій въ себѣ богатый запасъ жизненной энергіи, долженъ стремиться къ разрушенію всякихъ оковъ, наложенныхъ на его свободную дѣятельность общественными правилами нравственности, долженъ отстаивать *свою инициативу* во всей своей жизни, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ другимъ. Индивидуализмъ—вотъ единственно настоящій, нормальный и неизмѣнчивый *принципъ* нравственныхъ взаимоотношеній: каждый долженъ быть самъ себѣ господиномъ и всѣми способами, всею энергіей своего духа искать себѣ лучшаго мѣста на общественномъ пиру жизни. Это значитъ—подниматься надъ уровнемъ другихъ людей, быть *сверхчеловѣкомъ* и тѣмъ подвигать впередъ челоуѣческое совершенство! Такова современная теорія нравственности.

Нужно ли говорить, что практика нашей общественно-нравственной жизни не отстаетъ отъ начертываемыхъ ей модныхъ нравственныхъ идеаловъ, если даже не превосходитъ

ихъ своимъ осуществленіемъ. Куда ни посмотримъ, вездѣ мы видимъ заботы о самихъ себѣ, о личныхъ и притомъ чрезмѣрныхъ удобствахъ жизни. Умѣренность, скромность, воздержаніе въ образѣ жизни — забытыя понятія. Всѣ стараются цѣвнть свой трудъ, свои знанія, свою службу обществу или государству какъ можно дороже; всѣ желаютъ наименьшимъ трудомъ пріобрѣтать наибольшее вознагражденіе и въ этой погонѣ за матеріальными средствами жизни для удовлетворенія собственно *низшимъ требованіямъ* нашей природы не уступаютъ и самые просвѣщенные вовсе непросвѣщеннымъ. Сознанія долга, обязанностей предъ обществомъ, исканіе общественаго блага совершенно заглушаются и вытѣсняются требованіями личныхъ интересовъ и благосостоянія.

Надъ всѣми этими печальными явленіями религіознаго индифферентизма и нравственной распущенности нашей общественной жизни возвышается, подобно зареву на небѣ, отражающему собой пожаръ на землѣ, какъ бы сконцентрировавшая ихъ въ себѣ господствующая *математика* нашего времени, претендующая на раскрытіе послѣднихъ глубинъ міроваго бытія и конечныхъ цѣлей человѣческаго развитія, но въ дѣйствительности, не обинуясь можно сказать, полная *решительнаго и безпримѣрнаго безумія*. Эта философія смѣло ставитъ себѣ задачей — восполнить „односторонность“ или, что то же, пробѣлы христіанской догматики и этики внесеніемъ въ христіанское понятіе о Богѣ, какъ чистомъ духѣ и безпредѣльномъ добрѣ, плотскаго, чувственнаго начала и противоположной добру стороны — злой, сатанинской. По этой философіи Богъ есть *духо-плоть, добро-зло*; отсюда и идеальное совершенство, послѣдній предѣлъ прогресса человѣческой исторіи, состоитъ въ развитіи на совершенно *равныхъ* правахъ духовнаго и плотскаго самоотверженія и сладострастія, аскетизма и оргіанизма, въ гармоническомъ воплощеніи въ человѣчествѣ *Христа и антихриста*. Даль-

ше этого философскаго сумашествія, кажется, идти уже некуда. И однако, эпидемически распространяясь по культурнымъ слоямъ нашего общества, оно находитъ себѣ въ наше время многочисленныхъ адептовъ, создавшихъ особое направление, извѣстное подъ именемъ „декадентскаго“, и въ наукѣ, и литературѣ, и искусствѣ—поэзіи, живописи и музыкѣ. Декадентство — лучшая характеристика духовнаго упадка вашего образованнаго общества: это — зеркало, позволяющее намъ видѣть самый модный общественно-нравственный образъ (типъ) во всѣхъ его чертахъ. Но что оно такое по своему существу?—Извращеніе всего естественнаго и увлеченіе противоестественнымъ, — восхищеніе пслярными противоположностями истинны, добра и красоты—ложью, зломъ и безобразіемъ. Въ наукахъ о политической и экономической жизни народовъ выразителями его служатъ марксизмъ, социализмъ и анархизмъ; въ изящной литературѣ оно отводитъ самое первое мѣсто пройцамъ „босыкамъ“, настоящимъ героямъ нашего времени; въ поэзіи подъ нелѣпыми образами, въ рифмованныхъ бессмыслицахъ, оно воспѣваетъ циническое безстыдство всѣхъ видовъ разврата; въ живописи заставляетъ художниковъ конкурировать на выставкахъ карриатурами, антихудожественными произведеніями малярной кисти. Въ довершеніе всѣхъ этихъ аномалій нашей духовно-общественной жизни, порожденныхъ декадентствомъ, оно въ крайнихъ своихъ *выродкахъ* доходитъ до безумнаго восторга по поводу нападенія на насъ японцевъ и превозносится своимъ желаніемъ усилія не нашимъ, а непріятельскимъ войскамъ!...

Вотъ тѣ разъѣдающія язвы, которыми болѣе и болѣе начиналъ покрываться нашъ народный организмъ въ лицѣ многихъ его членовъ въ недавній періодъ, предшествовавшій открытію нашей войны съ японцами. Не грозили-ли онѣ полнымъ разложеніемъ нашей народно-государственной жизни? Но вотъ Господь, по своей неизреченной благодати и неизслѣдимой

премудрости, избираетъ спасительное средство для прекращенія нашего движенія по пути къ гибели, наставъ на насъ внѣшнихъ враговъ, тщательно изучившихъ нашу внутреннюю духовную *расшатанность* и нашедшихъ въ ней самыя благоприятныя для себя условія для нападенія на насъ. Къ счастью для насъ, въ громъ войны мы услышали громъ небесный, заставившій насъ содрогнуться, сотворить на себѣ крестное знаменіе, спомнитъ, войти внутрь себя и признать всю правду воли Божіей, присудившей намъ тяжкое испытаніе для нашего очищенія отъ заблужденій и прегрѣшеній. Съ перваго удара, нанесеннаго намъ вражеской рукой, какъ будто, какая невидимая сила сразу сбросила всѣ эти случайныя, отъивуду принесенныя, болѣзненные наслоенія съ нашего народнаго духа и обнаружилось въ неповрежденномъ видѣ его внутреннее драгоцѣнное зерно, *его основное чувство—любовь къ отечеству*, поднявшее сотни тысячъ воиновъ и тысячи гражданъ на защиту родной страны отъ нападеній враговъ.

При видѣ этой многочисленной рати нашихъ соотечественниковъ, ополчившейся на борьбу съ врагами, вамъ остается только дружбо поддерживать ее своимъ сочувствіемъ и всѣми возможными для насъ средствами, особенно же молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу: Господи, Вседержителю! Не до конца прогнѣвайся на насъ и не по беззаконіямъ нашимъ воздай намъ! Пріими вровь, проливаемую нашими доблестными братьями на полѣ брани, какъ очистительную жертву за наши грѣхи предъ Тобою; побори борющія насъ, брани умири и утверди всемогущей десницей Твоей царство благочестивѣйшаго Государя нашего на благо Его подданныхъ!

(Моск. Цер. Вѣд. № 22-й).

Разныя извѣстія.

Вѣрно ли это?—Учащаяся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ молодежь прѣзжаетъ въ родныя палестины и предается давно желанному отдыху. Иному отцу некогда наблюдать за міровоззрѣніемъ сына: онъ часто бываетъ занятъ своими многосложными обязанностями. Мать же „питаетъ и грѣетъ“ сына и на этомъ сосредоточиваетъ всю силу своей материнской любви къ нему, котораго такъ истомили уроками, взвурлили плохою пищею, недоѣданіемъ, недосыпаніемъ и прочими ужасами, которые рисуется ей настроенное разсказами воображеніе. Оба родителя иногда совсѣмъ не интересуются внутреннею, подчасъ кипучею работою и внутреннимъ міромъ своихъ дѣтей, не слѣдятъ и за внѣшнимъ проявленіемъ послѣдняго, слѣдуя многовыразительному русскому девизу: „ученаго учить — только портить“. Учебные неуспѣхи, ненормальности характера, несоотвѣтствующее направленіе воли, замѣчаемые и отмѣчаемые педагогическимъ начальствомъ, обычно приписываются строгости или невнимательности, а иногда прямо несправедливости и придирчивости самихъ педагоговъ.—Праздникъ престольный, оживленная компанія сосѣдей гостей сидитъ за обѣдомъ или чаемъ... или же въ тихій, теплый лѣтній вечеръ собрался свой родной кружокъ... О чемъ такъ шумно, весело разговариваютъ въ праздничномъ обществѣ и интимномъ кружкѣ?—О семинаріи и преподавателяхъ. Слышатся остроты, шутки, мѣткія и плоскія слова, воспроизводятся сценки съ комическими персонажами-педагогами. Былое переиживаетъ съ настоящимъ. „Отцы“ солидарны съ „дѣтьми“. Предъ вашимъ сознаніемъ возстаетъ картинная галлерей типовъ-карикатуръ, и невольно думается, что семинарія такое заведеніе, которое доставляетъ богатый матеріалъ для юмористическихъ журналовъ. Свѣт-

лый, положительный типъ, кажется, одинокій лучъ въ темномъ царствѣ, рѣже отбѣняющій мрачный фонъ картины. Такъ отцы иногда не только *не учатъ*, но и портятъ своихъ дѣтей, потому что парализуютъ воспитательное воздѣйствіе учебнаго заведенія. Семья является уже не равнодѣйствующею, а производѣйствующею школьному воспитанію силою. (По „Руков. для сельск. пастырей“).

Нѣсколько словъ объ одной усердно распространяемой молитвѣ.—Уже болѣе года среди православнаго населенія циркулируетъ и усердно распространяется слѣдующая молитва: „Господи Іисусе Христе! Тебѣ молимся, святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, помилуй мя и вся люди Твоя, очисти насъ отъ грѣховъ нашихъ ради честныя крови Твоея нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. О, Іисусе Христе, Тебѣ молимся, святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, помилуй мя и всѣ люди твоя и прости намъ наши согрѣшенія и избави насъ отъ всякія муки ради пречистыя крови Твоея нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ этой молитвы есть разночтенія; мы выбрали наиболѣе полный текстъ.

Вотъ эта молитва съ особеннымъ усердіемъ и распространяется у насъ по почтѣ и иными способами. Причиной обильнаго распространенія ея служитъ та приписка, которая дѣлается на этой молитвѣ о ея происхожденіи.

Въ припискахъ ея говорится, что въ Іерусалимѣ были слышаны молитвы и повелѣніе разослать ее 9 (или 7) лицамъ съ обѣщаніемъ блага за это и угрозой наказанія за небреженіе къ этой молитвѣ. „Кто эту молитву, читаемъ далѣе въ припискахъ къ ней, въ продолженіи 9 дней будетъ читать и 9 лицамъ пошлетъ въ каждый день по одной, то послѣ 9

дней ему будетъ благо. Кто же не захочетъ воспользоваться симъ милосердіемъ, посѣщенъ будетъ неудачами и грустью. Въ г. Харьковѣ одному обывателю была прислана сія молитва, но онъ не обратилъ вниманія и сжегъ эту молитву, за что былъ наказанъ Господомъ: онъ лишился единственной и любимой дочери, которую убили послѣ полученія письма на третій день“.

Конечно, нѣсколько неудивительно, что всякій, получивши эту молитву и прочитавши ее съ приписками, постарается послать ее въ 9 приемовъ своимъ знакомымъ, чтобы избѣжать несчастій и получить обѣщанныя за это блага. Правда, нѣкоторые сомнѣваются въ такой силѣ этой молитвы и обращаются къ пастырямъ духовнымъ за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній.

Въ виду этихъ сомнѣній и недоумѣній считаемъ не лишнимъ сказать объ этой молитвѣ нѣсколько словъ.

Прежде всего въ припискахъ о происхожденіи молитвы и ея силѣ высказанъ взглядъ на молитву, какъ на нѣчто механическое, могущее дѣйствовать, какъ талисманъ, независимо отъ душевнаго расположенія молящагося. Достаточно имѣть при себѣ бумагу, на которой написана молитва, читать ее 9 дней и послать 9 человѣкамъ, — и молитва окажетъ свое дѣйствіе: застрахуетъ человѣка отъ бѣды и дастъ ему счастье. Молитвѣ приписывается какое-то магическое дѣйствіе, какъ бы ни былъ настроенъ молящійся. Это нѣчто въ родѣ католическаго *ex opere operato*.

Конечно, такой взглядъ далекъ отъ истиннаго. Вѣдь молитва есть свободный порывъ свободного духа къ общенію съ Высочайшимъ существомъ; она есть возношеніе мыслей, стремленій и чувствъ къ Богу; она дѣйствительна постольку, поскольку въ ней пламенѣетъ горячая вѣра и велицеумѣрная любовь къ Господу. Слова молитвы суть толь-

во внѣшнее выраженіе, оболочка, отображеніе тѣхъ душевныхъ состояній, которыми преисполненъ молящійся.

Такимъ образомъ, въ молитвѣ существенную и необходимую принадлежность, обуславливающую успѣхъ молитвы („услышаніе“) составляетъ душевное настроеніе молящагося. При этомъ, конечно, никакого значенія не имѣетъ то, будетъ ли человекъ носить списокъ молитвы при себѣ или нѣтъ, пошлетъ ли ее знакомымъ, или нѣтъ.

Къ сожалѣнію, въ сознаніе православныхъ мало проникло истинное понятіе о дѣйственности молитвы; въ разныхъ обнаруженіяхъ религіозной жизни слишкомъ еще царитъ механическій взглядъ на молитву.

Что касается самой молитвы, то въ ней есть и догматическая погрѣшность. Извѣстно, что такъ называемое „трисвятое“ есть молитва къ тремъ лицамъ Св. Троицы, при чемъ слова — „Святый Боже“ относятся къ первому Лицу — Богу Отцу; слова: „Святый Крѣпкій“, — къ Сыну Божію, и, наконецъ, „Святый Безсмертный“ — относятся къ третьей Ипостаси, Св. Духу. Между тѣмъ, въ разсматриваемой молитвѣ все трисвятое отнесено къ Господу Іисусу Христу, поему въ ней происходитъ смѣшеніе Лиць Св. Троицы. Вообще эта молитва довольно бѣдна содержаніемъ. Думаемъ, что она произведеніе какого-нибудь русскаго начетчика, можетъ быть и набожнаго, но не стоящаго на высотѣ церковно-христіанскаго самосознанія. („Могилевск. Еп. Вѣд.“, 1904 г., № 11.).

Эту молитву намъ приходилось встрѣчать и въ Вятской епархіи, даже среди интеллигенціи города.

Практическіе совѣты неопытному учителю. — (Краткое извлеченіе изъ статьи С. Миропольскаго, имѣющей упомянутый заголовокъ). — 1) Кто не чувствуетъ въ себѣ

призванія въ учительской дѣтельности, тотъ не долженъ соглашаться быть учителемъ. Въ противномъ случаѣ его ничто не будетъ радовать, занимать и интересовать.

2) Учитель долженъ стать *достойнымъ* своего дѣла. Важную услугу ему въ этомъ отношеніи окажетъ самообразование. Для этого необходимо ежедневно совершенствоваться въ познаніяхъ, занимаясь, главнымъ образомъ, чтеніемъ книгъ педагогическаго содержанія.

3) Учитель долженъ знать свои *личные особенности* и имѣть *самообладаніе*. Особенно онъ долженъ избѣгать чувства гнѣва и раздражительности. Онъ не долженъ запугивать дѣтей своею раздражительностью. Запуганность дѣтей — плохой спутникъ ученія.

4) Учитель долженъ быть хорошимъ человекомъ. „*Хорошаго человека можетъ воспитать только хорошій человекъ*“. Молодой учитель долженъ стараться о приобрѣтеніи уваженія, довѣрія и любви своихъ учениковъ. Ученики любятъ учителя спокойнаго и серьезнаго; не позволяющаго себѣ насмѣшки надъ дѣтьми, снисходительнаго (безъ послабленія), веселаго и живого (безъ шутовства), солиднаго (безъ горделивости), точнаго (безъ мелочности), требовательнаго (безъ придирчивости).

5) Учитель долженъ имѣть *сознаніе своего достоинства*, но отнюдь онъ не долженъ себя считать непогрѣшимымъ. Онъ долженъ помнить, что всякому свейственно погрѣшать. Тотъ совершенствуется, кто сознаетъ свои погрѣшности и всегда стремится къ лучшему. Разумный учитель не стѣсняется сознаться въ допущенной погрѣшности, чѣмъ онъ возвышаетъ свою репутацію въ глазахъ дѣтей... Правда и истина выше всего на свѣтѣ. Дѣти любятъ того учителя, который не имѣетъ о себѣ горделиваго самомнѣнія и не считаетъ себя всезнающимъ человекомъ.

6) Необходимо знать больше того, чему учатся дѣти.

Поэтому учитель долженъ имѣть основательную подготовку; въ противномъ случаѣ, у него не будетъ успѣха. Вялость, однообразіе, скука—снотвики урока такого учителя, который не владѣетъ книгою и предметомъ обученія.

7) Хорошій учитель стремится къ тому, чтобы предметъ его преподаванія сдѣлать *собственностью* ученика. Преподаваніе сдѣлается собственностью ученика въ томъ случаѣ, если учитель при хорошемъ объясненіи сообразуется съ личными особенностями учениковъ и знаетъ ихъ способность и степень развитія.

8) Учитель въ способахъ къ улучшенію своей дѣятельности долженъ избѣгать *увлеченій*. Одностороннее увлеченіе старинной приводитъ къ рутинѣ и косности, а безотчетное увлеченіе новизной—къ необдуманымъ опытамъ и порывистымъ колебаніямъ. Поэтому, прежде чѣмъ рѣшиться на какое-нибудь нововведеніе въ школѣ, надо зрѣло обдумать его.

9) Въ начальномъ обученіи важное значеніе имѣетъ *методъ*. Часто приходится ребенку работать надъ тѣмъ матеріаломъ, который самъ по себѣ для него не привлекателенъ. Требуется все искусство и умѣнье, чтобы методомъ (способомъ) обученія эту работу сдѣлать легкой и сосредоточить вниманіе его на данномъ матеріалѣ.

10) Нѣкоторые учителя говорятъ въ классѣ очень много, забывая то, „*что на урокъ нужно говорить и дѣлать лишь то, что прямо ведетъ къ цѣли*“. Искусно пользуется временемъ тотъ учитель, который добросовѣстно готовится къ каждому уроку. Онъ на урокѣ думаетъ исключительно о преподаваніи, старается о томъ, чтобы дѣти усвоили предметъ обученія. У того урочное время уходитъ на полезную работу, а не на многопредметную болтовню.

11) „*Кто хочетъ больше дѣлать, тотъ долженъ*

меньше говорить". Безконечно длинныя поученія въ школѣ пользы не приносятъ. Дѣти скоро забываютъ эти поученія и не дѣлаются отъ нихъ лучшими. Будьте посему скупы на рѣчи. Опытные учителя говорятъ сами мало, — а больше выслушиваютъ учениковъ. Плохо, если посѣтитель школы скажетъ: „Вдоволь я наслушался учителя, но дѣтей я не слыхалъ“.

12) Учитель долженъ излагать *ясно и просто* предметъ своего урока и избѣгать мелочныхъ и бесполезныхъ подробностей. Онъ долженъ помнить, что курсъ начальной школы имѣетъ въ виду *элементарное обученіе*, состоящее въ преподаваніи существенныхъ и необходимыхъ основаній предметовъ. Возьмемъ, на примѣръ, объяснительное чтеніе. Задача его научить ученика *хорошо читать и понимать читаемое*... Нѣкоторые учителя при объяснительномъ чтеніи увлекаются предметными бесѣдами по поводу читаемыхъ словъ. Положимъ, читается статья о стрижкѣ овецъ. Учитель предлагаетъ вопросы: чѣмъ стригутъ овцу? — Изъ чего дѣлаютъ ножницы? — Что такое желѣзо? — Гдѣ оно добывается? — Чѣмъ отличается добываніе желѣза отъ добыванія золота? Чѣмъ отличается желѣзо отъ стали? Какъ предметы дѣлаются изъ желѣза? и т. д. Всѣ эти вопросы отвлекаютъ вниманіе отъ читаемой статьи и касаются такихъ предметовъ, которые не имѣютъ существенной связи съ нею. При такомъ веденіи объяснительнаго чтенія упускаются изъ виду *механизмъ чтенія и непосредственное пониманіе читаемаго матеріала*.

Указанія дѣятелямъ школы. (Изъ рѣчи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Н. Ч. Заіончковскаго). — „Обученіе должно быть воспитывающимъ. Первое мѣсто въ школѣ по воспитательному воздѣйствію на учащихъ принад-

лежать въ настояще время Закову Божию, отечественной исторіи, русскому языку и литературѣ и лицамъ, эти предметы преподающимъ.

Отцы законоучители, къ вамъ обращаю слово.

Вы—учители по преимуществу; вы—проповѣдники божественнаго ученія, дѣйственаго самого по себѣ на человѣческую душу, по природѣ христіанку; вы знаете эту душу, раскрывающуюся передъ вами на исповѣди; вы имѣете великую божественную благодать, полученную вами въ таинствѣ священства.

Въ силу всего этого, а не какихъ-либо внѣшнихъ средствъ въ родѣ начальственныхъ распоряженій и предписаній, займите сами первенствующее среди учащихъ мѣсто въ учебномъ заведеніи. Потщитесь насаждать истинную православную вѣру, христіанское знаніе и христіанскую нравственность въ умы и сердца „малыхъ сихъ“.

Гг. преподаватели отечественной исторіи. Я неуклонно буду требовать отъ васъ преподаванія вашего предмета въ духѣ исторической правды (Боже насъ сохрани отъ какой-либо неправды!), но въ то же время въ направленіи строго-національномъ и патріотическомъ, какъ этотъ предметъ преподается въ школахъ всего цивилизованнаго міра.

Не скрывайте отъ учащихся нашихъ слабыхъ сторонъ, печальныхъ событій въ исторіи родной земли, но приучайте ихъ при этомъ относиться къ матери-Россіи и отрицательнымъ въ ней явленіямъ не такъ, какъ Хамъ отнесся къ своему отцу, а какъ отнеслись къ послѣднему Симъ и Іафеть.

Старайтесь выяснитъ своимъ ученикамъ и ученицамъ великую, святую роль въ русской исторіи, въ культурѣ нашего отечества православной вѣры. Это весьма важно.

Господа! Россія создалась самодержавіемъ, она вѣрна ему цѣлые вѣка, мы сами всѣ ему присягали. Выясните же

учащимся его великую историческую роль и значение, его необходимость для России. Надъ этимъ вопросомъ поработало не мало русскихъ людей: Карамзинъ, наши славянофилы, Катковъ, Побѣдоносцъ въ и многіе другіе, въ послѣднее время Черняевъ.

Покажите ювошеству, въ чемъ состоятъ историческія и культурныя заслуги русской народности, какіе она совершила славныя, истинно-христіанскіе подвиги на протяженіи своей свыше тысячелѣтней исторіи, на чемъ основано ея право быть хозяйкой въ Русской землѣ и владычествовать надъ многочисленными инородцами, входящими въ составъ нашего отечества. Вдохните, наконецъ, въ своихъ питомцевъ вѣру въ Россію.

Вотъ категорическое требованіе, которое я къ вамъ предъявляю, вотъ моя горячая просьба къ вамъ.

Гг. преподаватели русскаго языка и словесности! Работайте учащихъ въ любви къ родной русской рѣчи, охраняйте въ школѣ ея чистоту, развивайте въ нихъ любовь къ изящной, міровой, русской литературѣ и ея національнымъ элементамъ, развивайте самое чувство изящнаго, идеальнаго, чистыя стремленія. Охраняйте молодежь отъ пошлости; старайтесь, чтобы она, воспитанная на высокихъ образцахъ человѣческаго творчества, на глубокихъ, оригинальныхъ мысляхъ, умѣла трезво и критически относиться ко всякой пошлости, литературной въ особенности.

Скажу вамъ всѣмъ, господа, что въ преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ, его направленіи, должно быть извѣстное единство: нельзя разрушать на одномъ урокѣ то, что любовно создается на другомъ". (Извл. изъ „Орловск. Епарх. Вѣд.“, 1904 г. № 22).

Эти указанія, данныя для дѣятелей средней школы, цѣнны и имѣютъ руководственное значеніе и для учителей начальныхъ школъ.

Георгиевскій крестъ. — Орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія является высшею военною наградою за личную храбрость только въ военное время. Этотъ орденъ основанъ императрицею Екатериной II 26 ноября 1769 года для награжденія „отличныхъ военныхъ подвиговъ и въ поощреніе въ военномъ искусствѣ“.

Право пожалованія ордена предоставлено главнокомандующему арміей, съ удостоенія думы изъ наличныхъ георгиевскихъ кавалеровъ. Орденъ св. Георгія имѣетъ 4 степени; 1 ст. — звѣзда золотая, съ надписью „за службу и храбрость“, носится на лѣвой сторонѣ груди, и крестъ на лентѣ (изъ 2 желтыхъ и 3 черныхъ полосъ) чрезъ правое плечо. 2 ст. ордена состоитъ изъ звѣзды и креста на шеѣ. 3-я ст. — изъ одного креста на шеѣ. 4 ст. — крестъ въ петлицѣ. Всѣ георгиевскіе кавалеры почучаютъ, состоя на службѣ, ежегодную пенсію, сохраняемую и въ запасѣ. и въ отставкѣ въ размѣрѣ отъ 150 до 1000 руб., сообразно степенямъ ордена. Кромѣ того, офицеры, награжденные орденомъ св. Георгія, имѣютъ право носить въ отставкѣ мундиръ, независимо отъ числа лѣтъ службы. Знакъ отличія „военнаго ордена“ — солдатскій георгиевскій крестъ — учрежденъ 13 февраля 1807 г. для награжденія имъ нижнихъ чиновъ. Знакъ этотъ первоначально имѣлъ только одну степень, но съ 1856 г. было учреждено еще три степени: 1 ст. — золотой крестъ съ бантомъ, 2 ст. — такой же крестъ безъ банта, 3 ст. — серебряный крестъ съ бантомъ и 4 ст. — такой же крестъ безъ банта. Нижніе чины, награжденные знакомъ отличія „Военнаго ордена“, получаютъ добавочное жалованье, которое по выходѣ ихъ въ запасъ или отставку обращается въ пенсію. Пожалованіе знаковъ отличія „Военнаго ордена“ всѣхъ степеней предоставляется главнокомандующему и командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ, съ Высочайшаго утвержденія. Орденъ св. Георгія и его лента составляютъ также принадлежность мно-

гихъ боевыхъ знаковъ отличія, жалуемыхъ цѣлымъ частямъ войскъ. Къ нимъ относятся георгіевскія знамена и штандарты на воротникахъ мундировъ у нижнихъ чиновъ и проч. Кроме того, на георгіевскихъ лентахъ неоднократно жаловались медали за походы или отдѣльныя военныя дѣйствія (Кратк. извѣст. изъ Киш. Еп. Вѣд.).

Изображеніе духовно-нравственнаго состоянія русскаго народа однимъ проповѣдникомъ съ церковной кафедры.— „Мрачнымъ пессимизмомъ вѣетъ со страницъ нашей печати, говоритъ онъ. Прежде только верхніе слои нашего общества были заражены невѣріемъ и быстро неслись въ какомъ-то безумномъ вихрѣ увлеченій отъ одной крайности къ другой. Чего только въ самомъ дѣлѣ мы не пережили въ области духовно-нравственной за послѣднія десятилѣтія! Какимъ только идоламъ не поклонялись! Матеріализмъ, дарвинизмъ, борьба за существованіе, социализмъ, призывы къ революціи, потомъ, съ легкимъ сердцемъ, непротивленіе злу, возрожденіе идеализма, интеллигентное сектанство, агностицизмъ, потомъ марксизмъ, эволюціонистскій матеріализмъ, ницшеанство, декадентство и, какъ послѣднее страшное знаменіе нашихъ дней, такъ называемый аморализмъ, полное нравственное идиотство, — цѣлое наводненіе идей и фактовъ, а въ результатѣ: усталость духа и уныніе, беспочвенность и духовная безпомощность! Но въ прежнее время народъ нашъ жилъ внѣ этой тревожной жизни: онъ былъ младенцемъ вѣры, послушнымъ сыномъ Церкви, въ вѣковомъ преданіи и освященномъ вѣрою строѣ жизни онъ находилъ для себя устои быта и существованія. Нынѣ не то. Худые нравственные соки какъ бы просочились сверху въ народъ, до самаго дна русской жизни, и если въ образованныхъ слояхъ унаслѣдованная воспитанность и умственное раз-

житіе давали хоть какой-нибудь противовѣсъ нравственному упадку жизни и предохраняли ее отъ роковыхъ крайностей, то въ народѣ, если онъ развратился, не будетъ и этого сдерживающаго начала. И видимъ мы въ изображеніи печати броженіе религіозной мысли, въ народѣ мужицкій вигилизмъ, грубый и беспощадный; босячество и отвратительное хулиганство, пьянство, развратъ, дурныя болѣзни, паденіе семьи, авторитетовъ и уваженія къ власти; растущую эпидемію дерзостей, грабежей, уличныхъ оскорбленій, необъяснимыхъ убійствъ. Среда даетъ своихъ прорицателей, новыхъ пророковъ Ваала и безстыдной Астарты. А вотъ, предъ нами, въ книгахъ современныхъ писателей, проповѣдь, что не вужно бояться грѣха, что разнузданный босякъ—господинъ положенія и даже обвинитель общественности; предъ нами идеализація разврата и преступленія и возведеніе порока въ признакъ силы и сверхчеловѣчности. Ко всему этому, широко разлитое всюду недовольство, праздность мужика, мотовство, тунеядство, попрошайничанье и обнищаніе, волненія рабочихъ, политическое броженіе въ инородцахъ; революціонная и сепаратическая пропаганда, убійства и кровавыя покушенія на представителей власти.

Такъ изображаетъ нашу дѣйствительность ежедневная пресса. Мы назвали ее зеркаломъ жизни. Конечно, зеркало часто даетъ неправильныя и ложно освѣщенныя отображенія. Все сказанное, взятое нами со страницъ прессы, бозъ сомнѣнія, слишкомъ мрачно, слишкомъ преувеличено, часто можетъ быть, даже и въ дурныхъ цѣляхъ сѣянія смуты и унынія, изъ ненависти къ русской жизни, ради клеветы на нее. Но, несомнѣнно, много во всемъ сказанномъ и правды“.

Проповѣдникъ призываетъ русское общество усугубить вниманіе, воодушевиться въ работѣ, оглянуться, покаяться, снова исполниться энергіи... Побольше вѣры и бодрости, побольше силы, воодушевленія и нравственной энергіи. Страшно,

если жизнь обращается въ Вавилонъ, но еще страшнѣе потеря вѣры въ себя, но еще страшнѣе уныніе. Пока Богъ да-етъ свѣтъ и день, нашъ долгъ молиться и работать, и опять работать и молиться, поднимать жизнь, исполнять честно свой долгъ, объединяться и неразрывнымъ союзомъ укрѣпляться въ созидательной работѣ, просвѣщать и поднимать духовно массы, хранить вѣрность церкви и государству. Горе унывающимъ! Горе малодушнымъ! Много язвъ въ нашемъ народномъ организмѣ, но здоровый организмъ, пока онъ здоровъ, выталкиваетъ изъ себя все инородное, и вредоносное, заживляетъ и затягиваетъ раны, и часто самыя раны эти и наружныя сыщи служатъ признакомъ, что наружу выходятъ дурныя соки, исцѣляя и оздоравливая внутреннюю жизнь тѣла! — И не одни притомъ отрицательныя явленія мы видимъ въ жизни: вѣдь часто переполнены наши храмы, вѣдь нерѣдки примѣры честности и героизма, вѣдь не замолкло твердое и разумное слово, вѣдь не изсякла вода въ источникахъ народнаго духа, вѣдь не исчезли люди, любящіе родину! Примкнуть нужно къ этимъ положительнымъ теченіямъ вѣры, чести, права; они живы, они цѣлы въ русской жизни! И тогда встанемъ живою стѣной богатырей духа, какъ въ оны древніе дни около Кіева; и если придутъ на насъ дни испытаній, то дастъ намъ Господь хребетъ нечестивыхъ и невѣрныхъ супостатовъ, побѣдимъ мы этотъ языкъ безстыденъ лицомъ, по выраженію Свящ. Писанія, однимъ путемъ: они придутъ на православную Россію и седьмью путями побѣгутъ изъ нея. (Сокращ. по „Костромск. Еп. Вѣд.“, 1904 г. № 6).

А. Рук.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ Редакціи Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей имѣются полные экземпляры сихъ Вѣдомостей за прежніе годы, начиная съ 1863 и по 1888 годъ. Желающіе могутъ пріобрѣтать ихъ, уплачивая, вмѣсто положенныхъ 6 руб., по 1 руб. 50 коп. за каждый полный годовой экземпляръ.

З У Б Н О Й В Р А Ч Ъ

С. Г. Липлявская,
лѣченіе, пломбированіе и вставленіе искусствен. зубовъ; пломбированіе золотомъ и фарфоромъ.

Пріемъ больныхъ съ 9—6.

Адресъ: Преображенская ул., домъ П. И. Швецова.

**При семъ номерѣ разсылается объявленіе
отъ магазина ХАРИТОНОВА.**

СОДЕРЖАНІЕ: Рѣчь Преосвященнѣйшаго Никона.—Носителямъ свѣта Христова.—Церковное пѣніе, какъ предметъ начальнаго школьнаго обученія.—Замѣтка о церковныхъ архивахъ.—Нравственно обновляющее значеніе войны съ японцами для нашей жизни.
—Разныя извѣстія.—Объявленія.

Редакторы { *Н. Гусевъ.*
А. Рукинъ.

Дозв. цензур. Вятка 2 августа 1904 г. Ценз. Прот. *Н. Кувшинскій,*
